

СУЗДАЛЬСКИЙ БАРБИЗОН

Александр Скворцов

Суздаль нашего времени по праву сравнивают с французским Барбизоном прошлого века: он стал магнитом для графиков и живописцев разных стилей, разных поколений. Человек с этюдником — характерная примета города, который своей красотой и историей властно влечет художников.

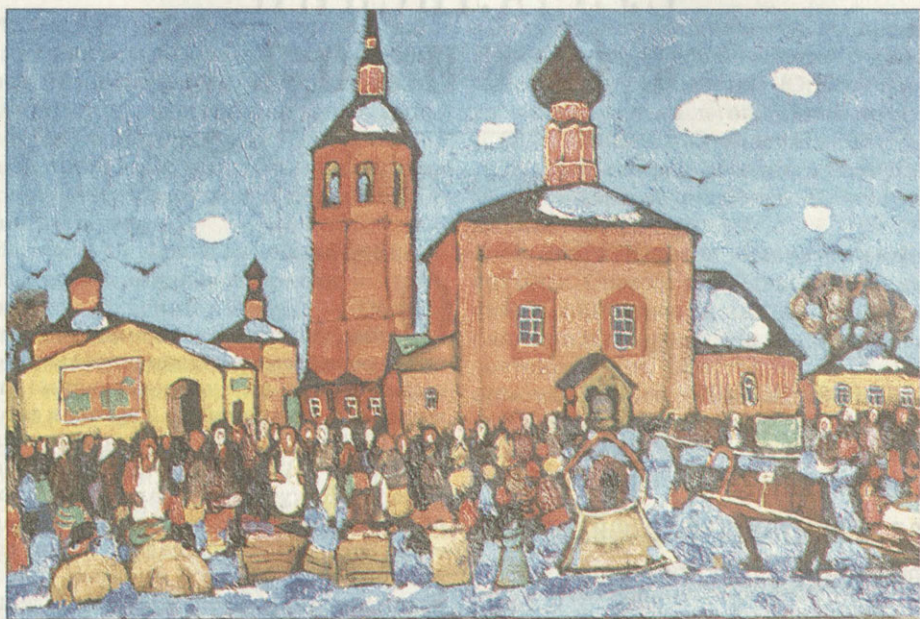
В.Юкин
«Суздальская осень»

О том, что на Владимиро-Суздальской земле родилась своя самостоятельная, яркая и самобытная, ни с чем не сравнимая школа живописи, специалисты и зрители заговорили в 1960 году, когда три владимирских художника — Владимир Юкин, Ким Бритов и Валерий Кокурин показали свои работы на республиканской выставке «Советская Россия». Это была настоящая сенсация, вызвавшая всплеск жарких научных дискуссий и зрительских споров. Мнения разделились, но итог был налицо — умолчать о новом художественном явлении в русском пейзаже было уже невозможно. Общность мировоззренческих взглядов этих художников, единство стиля и творческого метода, при всей индивидуальности манер каждого из них, позволяли говорить об устойчивой целостности нового направления и единстве его эстетической платформы. А это было уже серьезнее, чем просто декларация. Тем более что за плечами ведущих мастеров были годы войны и десятилетия поисков и обретений. Нормированный соцреализм их уже не устраивал.

Искания, начатые индивидуально каждым, независимо друг от друга, привели разных художников к творческому взаимопониманию. Первыми сближаются К. Бритов и В. Юкин. Они много пишут во Мстёре, Владимире, Суздале, обсуждают сделанное, анализируют.

Их внимание все больше привлекает творчество пейзажистов XIX века — Ф. А. Васильева, А. К. Саврасова, И. И. Левитана, М. В. Нестерова. Через этих мастеров шло постижение проникновенной лирики русского пейзажа, наполненного одухотворенными человеческими чувствами. До середины пятидесятых годов шел напряженный процесс познания богатейшего художественного опыта прошлого, который постепенно вырисовывал собственный их путь в пейзаже.

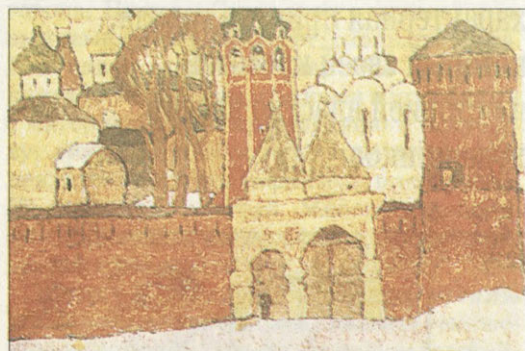
Поиск и эксперимент заметно усилились к концу пятидесятых. В это время к Бритову и Юкину присоединяется Валерий Кокурин, затем — Николай Мокров и Валерий Егоров. Так окончательно сложилось их творческое

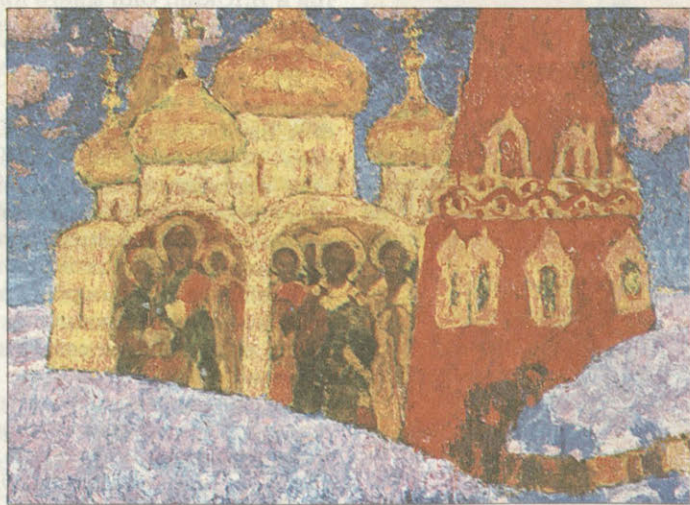
К.Бритов «Базарный день»

К.Бритов «Начало весны»

В.Юкин «Суздальские звоны»

В.Юкин «Март в Суздале»

К.Бритов «Суздальский кремль»

В.Кокурин «Суздальский мотив»

содружество, давшее жизнь владимирской школе пейзажа.

Темами картин становятся владимирские деревеньки, небольшие районные городки, базары, старинные улочки, неброские поля и перелески — все то, чем полна тихая провинциальная жизнь, за которой скрывается могучий пласт народной культуры.

Суздаль теперь привлекает их внимание в первую очередь. Он становится подлинным откровением. Здесь они находят те самые истоки национального художества, без познания которых не мыслилось развитие их собственного творчества. Теперь их жизнь без Суздаля была невозможна. Они ездят сюда зимой и летом, осенью и весной. Даже состояние погоды не влияет на это. Суздаль очаровывает их в любое время. С годами его неразгаданная красота влекла их сюда все сильнее.

Можно понять, что заставило Николая Рериха в начале века уехать из столицы и тоже отправиться в древнерусские города и побывать в Суздале. Как и он, эти художники открывали в Суздале великие мифы и легенды языческой и христианской Руси, выраженные языком сказочно ярких художественных форм. Отечественная старина волновала своей романтической приподнятостью и пленяла первозданной нетронутостью.

Теперь национальные идеалы красоты виделись художникам не только в современной жизни, но и в историческом прошлом родной земли, а чаще всего в соединении того и другого вместе. Поэтому многие их пейзажи как бы перерастают в исторический жанр. Сохраняя сюжетный контекст картины, придающий ей определенную жанровость, художники показывают события всегда на фоне древних памятников. Пейзажи предстают населенными и деятельными, в них воспроизводится быденная, ничем особо не заметная, но опозитизированная до высшей степени жизнь современных художникам людей, которая развертывается на маленьких улочках Суздаля, на его непритязательном базаре с немудреными товарами на прилавках, на площади возле Гостиного двора во время шумных народных гуляний и празднеств, в кремле рядом с Рождественским собором, или возле стен монастырей, или где-то поблизости от города. В них историчен сам окружающий мир.

Люди, их обыденные дела, старина, да и сама природа, являющаяся участником живописного действия, находятся в неторопливом, но в бесконечном движении и обновлении. Здесь и бурное весеннее пробуждение, и напряженный зной жаркого лета, и звонкое золото осени, и морозная пронзительность зимы.

Сегодня, когда мы говорим о художниках, увидевших в Суздале свой «Барбизон», ясно представляем, что за полувековой творческой эпохой, которую они прожили, стоит некая накопленная ими общность художественно-стилевых черт и приемов, скрепленных тонким, подчас неуловимотрепетным образом, имеющим совершенно неповторимую природу.

Лирическое начало традиционного русского пейзажа слилось в их творчестве с высоким национальным пафосом и эпической фольклорностью, всегда являющимися основным средством народного эстетического самовыражения. Своими произведениями они значительно расширили толкование реализма, отодвинув его границы в область красочных метафор и цветowych символов. Такого раскрепощения формы и глубокого духовного проникновения в древние пласты русской народной культуры современный пейзаж еще не знал.

Но такое понимание пейзажного образа могло родиться только на той почве, которая имела в сплаве и то и другое начало, где тонкий проникновенный реализм находил яркую живописную форму выражения.

В этом отношении Суздаль оказал художникам неоценимую услугу. Величественные памятники древней архитектуры, возвышенный язык фресок, мажорный колорит икон помогли им обрести здесь свое духовное видение истории, понять тайну давно ушедшего мира и возродить его магическую силу в современных изобразительных формах. Их живописные холсты дают зрителю заряд той внутренней энергии, которая делает их мироощущение более возвышенным, емким и глубинным. За каждым полотном стоит многовековой опыт здорового народного восприятия бытия со всеми его многогранными проявлениями. Их полотна — это гимн жизни, восторг перед ее красотой.